

В. Ф. ЭРН

Таинства и возрождение Церкви

Вопрос о таинствах — один из самых важных вопросов христианского сознания. А между тем его всегда предпочитают обходить каким-то загадочным молчанием. Точно боятся, что из неизвестности, его окружающей, могут подняться такие призраки, которые страшны нашему слишком дневному сознанию, или же встанут такие трудности, разрешить которые нам не под силу.

Я ничего не могу сказать о таинствах по существу. Ясные по чувству, с которым я их принимаю, они не ясны мне слишком во многом со стороны их догматического содержания и философского значения. Моя общая вера в таинство не признана мною самим. Но есть один пункт в этой вере, который подчеркнулся в моем сознании, может быть, с полной и окончательной ясностью. И об этом-то несомненном для меня пункте мне хочется сказать несколько слов для того, чтобы, если возможно, вызвать обмен мнений и сделать его уже достоянием общим.

За последние годы у нас появилась немногочисленная, но значительная по своим литературным силам группа людей, которые утверждают, что роль «исторической» Церкви, «Церкви Петровой» — уже сыграна и должна появиться новая Церковь, — «Церковь Иоаннова», которая будет не преемственным продолжением «Церкви Петровой» а творением новым, свободным созданием Духа Святого¹. В связи с этим основным верованием, насколько я мог уловить его по литературным обмолвкам и в частных разговорах, о таинствах утверждается, что в этой грядущей Церкви и таинства будут новые.

Недавно в одном небольшом собрании лицо, близкое к этой группе, сделало о таинствах несколько утверждений именно в этом духе. Это меня заволновало. И в ответ на утверждения эти

у меня в душе поднялось очень много и обозначилось то, во что я верую с полным сознанием и несомненностью.

Таинства — это та единственная абсолютная точка в нашей наличной церковной жизни, от которой идет прямая и непрерывная (т. е. непрерывающаяся в нашей земной конкретной действительности) нить к самым источникам христианства; в них светится подлинный свет святой, Соборной и Апостольской Церкви, которая была в силе и правде на земле в апостольский век. История христианства — это постепенное и все большее отпадение от Христа, угашение духа христовой свободы и умирание правды Христовой жизни. При апостолах вся жизнь освящалась Церковью и была проникнута духом Христа. Уже в I веке началось двоение. Жизнь христиан расщепилась на две части, на ту, которая была в Церкви, и другую, которая оставалась вне Церкви и строилась уже не по христианским принципам, а по принципам языческим. В первый век первая часть была бесконечно больше второй. Двоение было у единиц, у лиц вроде Анании и Сапфиры, вроде Симона Волхва, — и тех, кого ап. Иоанн называет «не нашими»². Но во второй и особенно в третий и четвертые века соотношение между этими частями становится резко другим. Вторая часть становится значительно больше первой. Первоначальное общение имуществ заменяется раздельным владением. Перестает действовать пророческий дух, и учителя и священники по призванию Божьему сменяются учителями и священниками по должности, — образ Христа из доброго Пастыря, несущего на раменах своих заблудшую овцу, каким рисовали его детски несовершенными штрихами на стенах катакомб, превращается в византийской живописи в строгий Лик Страшного Судии, жестокого и беспощадного, как какой-нибудь восточный деспот, и т. д. и т. д., и это все является показателем того, что жизнь церковная суживается, полнота ее убывает, все новые и новые стороны жизни уходят из Церкви, и наконец наступает время, (точно его определить нельзя), когда из всей первоначальной полноты остается только одно — это таинство. И эта единственная святыня бережно и успешно охраняется всеми живыми силами, что остались в Церкви, от всех покушений на нее, и как нетронутая, никакими приступами врага Церкви невзятая твердыня — пронесится через все девятнадцать веков, и вот теперь мы обладаем ею так же, как обладали ею христиане первых веков. Повторяю — это единственная точка. Все остальное из жизни церковной, кроме этого одного безусловного и непобедимого пункта, угасло и растерялось в потоке истории. Князь мира сего завоевывал одну за

другой области жизни церковной, расхищал достояние Божие, но тут предел победам его — ибо тут и находится камень — основание той Церкви, против которой бессильны и сами врата адавы. Все завоевано им, но таинства эти — тот остров подлинной, хотя и сокровенной жизни в бушующем море истории человечества, который не могли и не смогут размыть никакие бури. И отсюда должны начаться новые завоевания Церкви. Новая проповедь и новое, уже окончательное обращение человечества.

Говоря так о таинствах, я говорю не о том, что таинства только в идее таковы, о том, что они фактически и реально (т. е. в обстановке нашей земной действительности) переживаются именно так целым сонмом верующих людей. Поэтому мы не мечтаем только о них, желая, чтоб они были такими, а они у нас уже есть, находятся в реальном обладании нашем. И сделать так, чтоб этого не было, мы даже не можем. Мы можем сами лишиться таинств, но сделать так, чтоб таинства лишились люди, (может, таящиеся в молчании — неизвестности), которые переживают их подлинно христиански, это — ни в чьих силах.

И вот когда речь идет о характере возрождения Церкви, — и вопрос ставится так, что придет новая, по существу новая, Церковь, которая не находится в преемственной связи с той Церковью, которая есть и была, (само собой разумеется, не Церковь официальную имеем в виду мы), то этим отвергается та наша вера в таинство, потерять которую для нас значило бы потерять все и лишиться всего.

Мы чаем, что грядущая Церковь преобразит всю нашу жизнь. От теперешнего богослужения не останется камня на камне, — вся жизнь будет твориться Духом Святым. Каких-нибудь форм той новой жизни мы предугадывать и не смеем. Форм, как форм, и не будет. Ибо в грядущей церковной жизни будет та цельность, при которой не может быть самого различия на форму и содержание. Поэтому и формы таинств не могут остаться теми же, что и сейчас. Формы изменятся, но сущность останется, и преемственность между Церковью теперешней и Церковью возрожденной мы мыслим не в тех формах, что непременно должна быть какая-нибудь внешняя эмпирическая связь между таинствами грядущими и таинствами теперешними, а так, что члены уже возрожденной Церкви, свершая, положим, таинство Евхаристии (пусть в совершенно новых и не похожих на теперешние формах), так же истинно будут вкушать Пречистое Тело и Пречистую Кровь Христа, как истинно и

подлинно вкушаем мы в нашем теперешнем таинстве Евхаристии. Но раз наше вкушение Тела и Крови Господней есть безусловно истинное и подлинное, тогда новое вкушение, в возрожденной Церкви, по существу не будет отличаться от нашего. Сущность останется та же. Правда, подлинная и безусловная, как в том, так и в другом вкушении, есть правда одна, ибо двух безусловных и подлинных правд быть не может. Тогда и преемственность Церкви грядущей с Церковью настоящей устанавливается самым нераздельным образом единством и подлинностью этой правды. Но это заставляет решительно отвергнуть самую концепцию о Церкви Петровой и Церкви Иоанновой.

В этой статье я ничего не доказываю. Ибо в этой области доказывать нельзя ничего. Я только в связной форме излагаю факт своей веры, приводя те внутренние основания, которыми вера эта тверда. Я бы очень просил, чтобы те лица, которые стоят на точке зрения, мною здесь отвергаемой, высказались о своей вере с возможной ясностью и откровенностью. Ибо потребность в разрешении этого, чуть ли не самого трудного пункта в вопросе о путях возрождения Церкви становится с каждым днем все настоятельней.

